
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

К 210-летию Герценовского университета

*Т. Г. Фруменкова,
доцент кафедры русской истории*

КАК РОДИЛАСЬ ИДЕЯ ОРГАНИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ДОМОВ В РОССИИ

Инициатором создания и организатором воспитательных домов в России стал И. И. Бецкой (1704–1795). Между тем, элементы системы призрения сирот и подкидышей возникли в первой половине XVIII в., и следовательно, будущий главный попечитель воспитательных домов был современником этих событий.

Неподалеку от юного Петербурга, в Новгороде, митрополит Иов в 1706 г. по собственной инициативе основал заведение для «подкидышков», которое просуществовало до его кончины в 1716 г. Петр I приказал распространить его начинания на всю страну. В именных указах 1712, 1714 и 1715 гг. по примеру новгородского иерарха во всех губерниях светские власти обязаны были в городах при церквях построить госпитали для приема «ззорных младенцев», определить к ним кормилиц и финансировать эти учреждения своими силами. В конце царствования император попытался создать комплексную систему призрения детей, которая включала бы в себя и их обучение. В указах 1724 г. предписывалось направлять подкидышей «различным художествам в ученики», для содержания и призрения сирот выделялась часть монастырей [1].

В Москве в 1715–1730 гг. под началом губернской канцелярии действовала система содержания, обучения и определения судеб выросших питомцев. Детей раздавали кормилицам, фактически состоявшим на государственной службе и проживавшим в разных районах города, причем масштабы заведения были весьма значительными и в 1723 г. достигли максимального значения — в нем участвовали 882 ребенка и 218 женщин. С 1724 г. действовали сиротские заведения при Новодевичьем и Андреевском монастырях, и размеры светского призрения сократились. В 1724 г. началось обучение детей грамоте [2]. Указами Анны Иоанновны в 1730–1731 гг. московские детские монастырские заведения были закрыты, резко уменьшилась численность питомцев и кормилиц при них, а внимание губернской канцелярии сосредоточилось только на содержании мальчиков, направленных на учебу в гарнизонные школы. По сенатскому указу 1737 г. призрение внебрачных детей и сирот сосредотачивалось исключительно в руках Московской губернской канцелярии. Под ее надзором находилось от 30 до 50 детей, а численность женщин при них не превышала 10 человек. В Петербурге сироты содержались в богадельне вместе со взрослыми призреваемыми [3].

Знал ли обо всем этом И. И. Бецкой? Что именно мог он знать? Сведений о его жизни почти не сохранилось. Скудость информации личного характера неудивительна для исторического персонажа XVIII в., однако в случае с И. И. Бецким приходится признать, что он сам способствовал появлению некоторых тайн и легенд. Думается, закрытость и следует назвать одной из главных его индивидуальных черт. Возможно, эта особенность сформировалась еще в ранние годы и была связана с происхождением известного деятеля екатерининского Просвещения, внебрачного сына князя И. Ю. Трубецкого.

Как сформировались просветительские убеждения И. И. Бецкого, его гуманизм и милосердие? Наука связывает процесс складывания его педагогических взглядов и благотворительных идей с многолетним пребыванием за границей в середине XVIII в. Об увиденном в Европе путешественник не раз упоминал в своих проектах. Думается, однако, что трудно составить представление о таком закрытом человеке только на основании того, что он сам о себе говорил.

В Европе И. И. Бецкой подолгу жил, когда ему было, по меньшей мере, далеко за 40, а вернулся в Россию он уже в 58-летнем возрасте. Он был цельной личностью, и его характер и стремления явно определились гораздо раньше. Кажется невероятным, чтобы он не знал о том, в каком состоянии находилось дело призрения сирот и подкидышей в России. Будучи чрезвычайно любознательным в Европе, едва ли он был «ленивым и нелюбопытным» на родине относительно тех вопросов, которые его интересовали.

В 1722 г. И. И. Бецкой был принят на службу в российское посольство в Париже, а не позднее 1726 г. «по требованию <...> генерал-аншефа кн. И. Ю. Трубецкого» был прислан в Россию [4]. Нет достоверных сведений о том, что в годы петровского царствования он бывал в России (он родился и, видимо, вырос за

границей), но члены семьи И. И. Бецкого, с которыми его связывали многолетние теплые отношения, его отец, мачеха и сводная сестра Анастасия Ивановна знали императора лично, встречались с ним и были в курсе его преобразований [5]. До И. И. Бецкого вполне могли дойти отголоски стремлений Петра организовать призревание сирот.

Вскоре переехав с отцом, получившим чин фельдмаршала, в Москву, И. И. Бецкой, не особенно напрягаясь (И. Ю. Трубецкой фактически находился на покое), его хлопотами дослужился до звания генерал-адъютанта и получил чин полковника. Отец нашего героя явно был в курсе того, что происходило в стране и в городе, на несколько лет вернувшем себе звание столицы. Вряд ли его любознательному помощнику сложно было получить информацию о том, в каком состоянии находилось в Москве дело призрения брошенных детей.

Елизавета Петровна назначила И. И. Бецкого камергером двора наследника престола Петра Федоровича (будущего Петра III) [6]. Новая должность сыграла важную роль в судьбе И. И. Бецкого. Он близко познакомился с наследником, стал свидетелем приезда в Россию его невесты, будущей императрицы Екатерины Великой, и скоро превратился в ее «старого знакомого», узнал тех, кто позднее станет его сотрудниками. Именно в эти годы он сблизился с матерью Екатерины, герцогиней Иоганной-Елизаветой и, возможно, имел роман с ней. После высылки герцогини за границу И. И. Бецкой усилиями А. П. Бестужева-Рюмина в 1747 г. был уволен от двора наследника с повышением в чине «по прошению за умножившимися болезнями и слабостью здоровья».

Кто из соотечественников имел возможность повлиять на формирование взглядов будущего реформатора или разделять их с ним? Отец И. И. Бецкого, судя по сохранившимся о нем сведениям, не отличался особым умом и образованием, но он дал хорошее образование сыну и стремился обеспечить его.

Биограф И. И. Бецкого П. М. Майков еще 100 лет назад обратил внимание, что, проживая в Москве, И. И. Бецкой иногда посещал А. Д. Кантемира в его подмосковном имении Черная Грязь [7]. А. Д. Кантемир (1708–1744) состоял в родстве с И. И. Бецким — он приходился старшим сводным братом его племяннице Е. Д. Кантемир, в замужестве Голицыной.

С 1733 г. А. Д. Кантемир служил послом сначала в Англии, а затем во Франции, и завязалась одна из ниточек, соединивших И. И. Бецкого с Западной Европой. Сохранились два письма 1743 г. А. Д. Кантемира И. И. Бецкому. Они носят деловой характер [8], но свидетельствуют о существовании контактов между известными деятелями XVIII в. А. Д. Кантемир вполне мог «повлиять на направление умственного развития И. И. Бецкого и главный характер его деятельности» [9]. В Париже поэт написал свою седьмую сатиру «К князю Никите Юрьевичу Трубецкому. О воспитании». Сатира была посвящена дяде И. И. Бецкого и излагала идеи Просвещения, которые «потом, слишком через двадцать лет, нашли у нас применение в воспитательной системе Бецкого» [10]. Едва ли можно признать случайным, что педагогические идеи А. Д. Кантемира почти полностью совпадали с последующей программой И. И. Бецкого, повторяю, если учесть, что они были родственниками, интересовались друг другом, встречались и переписывались.

Ближайшие родственники И. И. Бецкого — его сводная сестра А. И. Кантемир (1700–1755), по второму мужу — принцесса Гессен-Гомбургская и ее дочь от первого брака Е. Д. Кантемир (1720–1761), в замужестве княгиня Голицына, в воспитании которой он принимал большое участие, имели склонность к благотворительности. П. М. Майков утверждал, что А. И. Гессен-Гомбургская последние годы жизни провела в Петербурге, «отдавшись вполне благотворительности» [11]. И мать, и дочь по завещаниям выделили значительные суммы на благотворительные цели. Сестра и племянница И. И. Бецкого скончались за несколько лет до начала реализации его планов, а значит, вполне возможно, что в семье велись разговоры о создании в России благотворительных учреждений. Князь Д. М. Голицын, оставшийся вдовцом после кончины Екатерины Дмитриевны, более 30 лет прослужил российским послом в Вене и прославился широкой благотворительностью, как в Вене, так и в Москве. Он станет и попечителем воспитательного дома. И. И. Бецкой проводил в обществе родственников немало времени, путешествуя по Европе и возвращаясь в Париж, где супруги с 1756 по 1761 г. держали открытый дом, заинтересовав собой высший свет и двор [12].

При дворе Елизаветы И. И. Бецкой, как уже отмечалось, близко познакомился с наследником престола и его женой. Владея хорошо французским и немецким языками и немало уже видевший в ранней молодости, Бецкой мог и в то время быть «интересным собеседником для великой княгини, обратившей тогда на него свое внимание, предпочтительно перед прочими лицами великокняжеского двора» [13]. Среди прочих тем могли обсуждаться и проблемы образования, воспитания, благотворительности.

При дворе Елизаветы И. И. Бецкой познакомился и со своим будущим заочным сотрудником, а в начале ее царствования придворным лейб-медиком Р. Санхесом (Саншесом, Санчесом). По указу, подписанному Елизаветой в декабре 1742 г., доктор Р. Санхес, как и другие проживавшие в России евреи, был выслан

из России и обосновался в Париже [14]. После открытия воспитательного дома именно к нему, как к авторитетному специалисту, обратился за помощью главный попечитель, встревоженный высочайшей детской смертностью. При дворе знали Р. Санхеса как хорошего врача.

Таким образом, думается, что страны Западной Европы в середине XVIII столетия обстоятельно объезжал не просто робкий ученик, опальный придворный, не знающий, чем себя занять, попутно перенимающий новые педагогические и гуманистические идеи. Скорее всего, интерес нашего героя к проблемам «несчастнорожденных» детей связан с его собственным происхождением и кроется глубоко в его неизвестном нам детстве и почти неизвестной юности. Судя по тому, как И. И. Бецкой целенаправленно посещал в разных странах учебно-воспитательные заведения для сирот, он не мог не интересоваться организацией этого дела в России. Интерес к проблемам просвещения и благотворительности в разной степени проявляли родные и близкие И. И. Бецкого, окружавшие его как в России, так и за границей: А. И. Гессен-Гомбургская, А. Д. Кантемир, Е. Д. Голицына, Д. М. Голицын. Представляется, что знакомство с педагогическими и идеями Просвещения было обусловлено не только модой на них в европейских салонах, в первую очередь парижских, но и потребностью И. И. Бецкого. Возможность реализации своих идей он, вероятно, мог связывать с восшествием на престол нового императора, европейца по происхождению, и его супруги.

Важным занятием И. И. Бецкого во время заграничных путешествий являлось проведение времени в «почтенных и просвещенных обществах». Историки XIX — начала XX в. уделили большое внимание изучению вопроса о том, посетителем каких парижских салонов он, скорее всего, был. Прямых указаний на посещение И. И. Бецким того или иного салона не обнаружено. «Это вполне естественно, — утверждал П. М. Майков. — Перечисляя лиц, находящихся в том или другом обществе, обыкновенно останавливаются на лицах, чем-либо выдающихся от остальных и тем самым обращающих на себя особенное внимание. Среди блестящих и даровитых представителей французского общества, собиравшихся в салонах, Бецкой, очевидно, не мог обратить на себя внимание» [15]. Такое умолчание вовсе не означает, что И. И. Бецкой не посещал известные парижские салоны. По утверждению одного из современников, не было ни одного приметного иностранца, который, находясь в то время в Париже, не посетил бы салон госпожи Жоффрен и не попытался бы получить приглашение на ее обед, на котором собиралась более узкая компания. Между тем И. И. Бецкой и его знатные родственники были приняты при версальском дворе, вместе с князем Д. М. Голицыным он «весьма фамильярно» обходился с представителями французской знати. Позднее в письмах к Екатерине госпожа Жоффрен прямо называла И. И. Бецкого своим другом. На основании этих фактов П. М. Майков с полным основанием предположил, что «друг г-жи Жоффрен несомненно посещал ее салоны; без сомнения, друг ее был приглашаем в числе немногих приближенных также на ужины г-жи Жоффрен, на которых разговорам не было конца» [16].

В салоне госпожи Жоффрен помнили Монтескье, здесь можно было встретить Даламбера и Гельвеция, по понедельникам сюда приходили артисты и художники, здесь проводили время представители «высших слоев парижского света». «Очаровательная любезность и тонкий ум хозяйки, а также интересное и веселое общество, собиравшееся с разных концов города в комфортабельном доме на улице С. Оноре, не могли не привлекать иностранцев: они считали за честь для себя быть принятыми в среду, где наука облекалась в самые приятные формы, а разговоры велись свободно, но с соблюдением должных приличий», — отмечал А. С. Лаппо-Данилевский [17]. В этот «восемнадцатый философский век в салонах стали говорить не об одном только театре, музыке, романах и т. д. Энциклопедисты пробудили в самых избранных обществах участие к серьезному, к наукам и важным отвлеченным вопросам из области нравственности, политики и даже метафизики. Присутствие дам в салонах воздерживало от слишком резких выражений при столкновении противоположных мнений и, не препятствуя обсуждать подробно и тонко самые животрепещущие и трудные вопросы человеческого знания, вместе с тем побуждало говоривших излагать свои взгляды не только ясно, но общедоступно и красиво» [18]. Предметом обсуждения в салонах могли стать «Философские (или английские) письма» (1738) Ф. М. Вольтера, «Философские письма» Д. Дидро, «Дух законов» Ш. Л. Монтескье, «Об уме» (1758) К. А. Гельвеция, «Юлия, или Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо. Кроме того, во второй половине 1750-х гг., когда И. И. Бецкой находился в Париже, там уже ходили по рукам первые тома знаменитой «Энциклопедии», издание которой было начато в 1751 г. Представления ее авторов о воспитании, а также некоторые педагогические идеи Д. Дидро также оказали влияние на проекты И. И. Бецкого [19].

Современники свидетельствовали, что И. И. Бецкой «питал большое расположение ко всему французскому» и, попав «в самый центр умственной аристократии», он, конечно, «впитывал в себя сок просветительной философии у самого ее источника» [20]. Постоянные ссылки в «Генеральном плане» Воспитательного дома и других уставах на европейский опыт доказывают, что именно тогда у него зарождались преобразовательные планы. При этом, как уже отмечалось, не стоит забывать, что И. И. Бецкой и его окружение не-

зависимо от парижских салонов были знакомы с идеями и трудами просветителей, а некоторые из них могли прочитать и в русских переводах.

Кроме посещения парижских салонов, И. И. Бецкой во Франции встречался и беседовал с изгнанным из России доктором Р. Санхесом. От дипломатов в России знали об отчаянном положении знаменитого врача, которому не на что было жить и которого, как изгнанника, без рекомендации нигде не брали на службу. Нет сомнений, что давний русский знакомец навещал доктора и, вероятно, старался помочь ему. Часть разговоров с Р. Санхесом, на которые ссылался И. И. Бецкой в своих уставах, скорее всего, состоялась во Франции [21].

В ходе длительного путешествия И. И. Бецкой, очевидно, и собрал практическую информацию, позднее положенную в основу его преобразовательной деятельности. «Когда я путешествовал, — позднее писал он, — то не терял времени, нежась в дороге в шляфроках, почитая время драгоценнее передачи лишней копейки; никогда не занимался обедами в пути на почтовых дворах, а спешил в город, где мог просветить себя осмотриваньем полезного» [22].

В переписке современников и проектах И. И. Бецкого по крохам можно собрать сведения о посещенных им странах, городах и благотворительных заведениях. Он бывал в германских землях и, видимо, провел немало времени в Гессене, герцогом которого был муж его сестры, в Пруссии, которую проезжал по пути. Дорога во Францию шла также и через Голландию [23]. О своем посещении Италии, в частности, Турина, сам И. И. Бецкой вспоминал гораздо позднее, в 1784 г., в письме к князю Н. Б. Юсупову [24]. В Австрию И. И. Бецкой и князь Д. М. Голицын уехали из Парижа в конце 1761 или начале 1762 г. после кончины княгини Екатерины Дмитриевны (Д. М. Голицын с сентября 1759 г. состоял на дипломатической службе в Париже, а 28 мая 1761 г. он был назначен послом в Вену) [25]. Из переписки дипломатов мы знаем о путешествиях И. И. Бецкого по Провансу и другим южным районам Франции [26]. Возвращаясь из своих поездок в Париж, И. И. Бецкой вместе с племянницей и ее мужем подолгу жил во французской столице.

Внимательный анализ показывает, что в своих проектах И. И. Бецкой упоминает о виденных им сиротских учреждениях и госпиталях, с которыми ему удалось ознакомиться, в частности, в Голландии, Франции, Италии и Германии. Там он увидел организацию призрения детей, имевшую многовековую историю, познакомился со светской благотворительностью, которая имела давние и прочные традиции, встретился с отдельными подвижниками — организаторами и руководителями Воспитательных домов и госпиталей. При этом И. И. Бецкой явно обратил внимание на то, что даже в Европе практика призрения сирот с идеями Просвещения почти не пересекалась. Подкидышей на протяжении столетий принимали, вскармливали с помощью кормилиц (за счет государства или общества), излишек младенцев, не обеспеченных кормилицами, отправляли за плату в крестьянские семьи. Возвращая в города, им давали первоначальное образование, кое-где и кое-как учили ремеслам, но судьбами воспитанников интересовались довольно мало.

И. И. Бецкой же, вернувшись в 1762 г. в Россию, задумал нечто абсолютно новое и небывалое: он решил осуществить не имевшее места не только в России, но и в Европе сочетание призрения «несчастнорожденных детей» с их воспитанием на основе просветительских идей.

Вот почему, думается, в документах Воспитательного дома не упоминается о русском опыте призрения сирот. И. И. Бецкой знал, что начинания митрополита Иова и Петра I не получили широкого развития, а к середине столетия потерпели почти полный крах. Они нуждались в новом импульсе, на новой основе. Организация вскармливания брошенных детей для губернских канцелярий были обузой, от которой они стремились избавиться. Не случайно, прослышав о создании Воспитательного дома, еще в январе 1764 г., за 4 месяца до начала приема питомцев, к его организаторам обратились чиновники Московской губернской канцелярии: они просили принять в дом содержащихся в их ведомстве младенцев [27].

Европейский опыт в сочетании с идеями философии и педагогики Просвещения был для И. И. Бецкого, несомненно, предпочтительней. Осталось увлечь своими планами монарха. Это в полной мере удалось после того, как на российском престоле воцарилась Екатерина II.

Примечания

1. Азизбаева Р. Е. Новгородский митрополит Иов — начало государственного детского призрения в России // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции. Ч. 2. — В. Новгород, 2002. С. 14–16.

2. Азизбаева Р. Е. Призрение незаконнорожденных детей в Москве в первой четверти XVIII века // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): Доклады Второй научной конференции. — М., 2001. С. 140–145.

3. *Азизбаева Р. Е.* Призрение сирот и незаконнорожденных в России XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2003. С. 20–21, 26.
4. *Майков П. М.* И. И. Бецкой: Опыт его биографии. — СПб., 1904. Прил. С. 2.
5. *Берхгольц Ф. В.* Дневник камер-юнкера Берхгольца. 2-е изд. — М., 1858. С. 93, 101–102.
6. *Майков П. М.* Указ. соч. С. 20–21.
7. Письма И. И. Бецкого к императрице Екатерине Второй. Сообщил П. М. Майков // Русская старина. 1896. Т. 88. № 11. С. 409.
8. *Майков Л. Н.* Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. — СПб., 1903. С. 179, 187–188.
9. *Кантемир А. Д.* Сочинения, письма и избранные переводы. — СПб., 1867. С. 9–31; *Майков П. М.* Указ. соч. С. 17, 28.
10. *Стоюнин В. Я.* Вступительная статья // Кантемир А. Д. Указ. соч. С. Сп.; *Сементковский Р. И.* А. Д. Кантемир. Его жизнь и литературная деятельность. — СПб., 1893. С. 84.
11. *Майков П. М.* Указ. соч. С. 30.
12. *Чулков Н. Е.* Д. Голицына // РБС. Т. Гоголь–Гюне. — М., 2001. С. 215; [*Александрович Е. М.*] Д. М. Голицын // РБС. Т. Гоголь–Гюне. — М., 2001. С. 168.
13. *Майков П. М.* Указ. соч. С. 22.
14. *Анисимов Е. В.* Елизавета Петровна. — М., 2005. С. 112.
15. *Майков П. М.* Указ. соч. С. 45.
16. Там же. С. 45–46.
17. Там же.
18. Там же. С. 44.
19. *Лапте-Данилевский А. С.* И. И. Бецкой и его систем воспитания. Отзыв о сочинении П. М. Майкова «И. И. Бецкой. Опыт его биографии». — СПб., 1904. С. 27.
20. *Лапте-Данилевский А. С.* Указ. соч. С. 6; *Кизеветтер А. А.* Один из реформаторов русской школы // Кизеветтер А. А. Исторические очерки. — М., 1912. С. 126.
21. ПСЗ. Т. 17. № 12741; Т. 18. № 122957.
22. Материалы о И. И. Бецком // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1863. Кн. 4. Смесь. С. 144.
23. Архив кн. Воронцова. Кн. 33. — М., 1887. С. 185; *Майков П. М.* Указ. соч. С. 35.
24. РГАДА. Ф. 11. Оп. 2. Д. 175. Л. 1; *Майков П. М.* Указ. соч. С. 34.
25. *Майков П. М.* Указ. соч. С. 61; РБС. Т. Гоголь–Гюне. — М., 2001. С. 168.
26. Архив кн. Воронцова. Кн. 3. — М., 1871. С. 245; *Майков П. М.* Указ. соч. С. 36.
27. РГИА. Ф. 759. Оп. 10. Д. 356. Л. 3–3 об.